

Дмитрий Аникеев

(Лесник)

Тень на Блюменштрассе. Спустя годы

Дмитрий Аникеев (Лесник)

**Тень на Блюменштрассе.
Спустя годы**

«Автор»

2026

Аникеев (Лесник) Д. Р.

Тень на Блюменштрассе. Спустя годы / Д. Р. Аникеев (Лесник) —
«Автор», 2026

Продолжение повести "Тень на Блюменштрассе". История о судьбах людей,
переживших бури XX века, обретении семьи и долгожданного мира в
Подмосковье 80-х годов.

© Аникеев (Лесник) Д. Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпиграф	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Тень на Блюменштрассе. Спустя годы

Эпиграф

«Память - основа совести и нравственности - Дмитрий Сергеевич Лихачёв, «Письма о добром»

«Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь»- Антуан де Сент-Экзюпери, «Маленький принц»

Глава 1: Французские дети

Осень во Франции приходила неспешно, будто нехотя прощаясь с остатками тепла. В маленьком городке жизнь текла размеренно: люди работали, растили детей и старались не беречь память о войне, оставившей лишь шрамы на фасадах домов и в душах. Пьер Лефевр - так его звали все в городке, от коллег по железной дороге до соседей - заглушил мотор машины возле мастерской. Лишь в старой монастырской метрике, которую он берег как величайшую тайну, значилось иное имя: Владимир. Он никогда не откликнулся на него, но, глядя в зеркало, часто ловил себя на мысли, что этот строгий взгляд принадлежит не Пьеру-французу, а кому-то другому. Пьер - это была его жизнь, его работа, его дом. А Владимир - это был его неразгаданный вопрос, его призрачная русская душа, которая требовала ответа. Ему исполнилось сорок восемь. Седина густо припорошила виски, но крепкие руки инженера по-прежнему выдавали в нем человека действия. У него была спокойная жизнь, но порой, особенно когда начинали опадать каштаны, его накрывало странное чувство пустоты. Будто из книги его жизни была вырвана ключевая страница. Он никогда не знал своей матери. Монахини в приюте рассказывали скупую версию: русская женщина по имени Екатерина, оставившая детей в тяжкие послевоенные годы. С самого рождения Пьер и Мари были неразлучны. Они выросли вместе, деля хлеб, молитвы и одну на двоих тайну своего происхождения. В монастыре их всегда считали братом и сестрой, и даже позже, узнав, что у них разные родители и разная кровь, они не перестали называть друг друга именно так. В сотне километров от него, в городской библиотеке, Мари Дюваль как раз заканчивала обход читального зала. Она была одного возраста с Пьером. Высокая, с внимательным, чуть холодным взглядом серых глаз, Мари находила в тишине книг самое честное отражение жизни. На стене её кабинета висел старый снимок выпускников школы. Она часто смотрела на него, вспоминая их с Пьером юность. Вся их жизнь была попыткой найти опору друг в друге, когда вокруг не было никого, кроме монахинь. Но в личном архиве Мари хранилась тайна, не дававшая покоя десятилетиями. Незадолго до своей кончины настоятельница монастыря, преклонных лет игуменья Анна, передала ей конверт.

- Когда-нибудь ты должна это увидеть, - прошептала она.

Внутри лежала фотография: молодая женщина с удивительно выразительными глазами держала на руках двух младенцев. На обороте по-французски было выведено: «Моим детям. Простите меня».

Сестра Анна тогда добавила: «Я не знаю, кто она, но я помню, как она плакала, когда уходила».

Они встретились у Пьера на кухне. За окном монотонно стучал по стеклу осенний дождь. Пьер выложил на стол старую коробку, найденную на чердаке.

Среди бумаг обнаружился листок - короткая записка, написанная почерком сестры Анны: «Если когда-нибудь будете искать свою мать, начните с её родного языка. Она была русской».

Пьер долго всматривался в эти строки.

- Сорок восемь лет, - наконец нарушил тишину он, глядя на Мари. - Мы потратили почти полвека на то, чтобы просто повзрослеть, а ответ лежал в этой коробке все это время.

Мари молчала, глядя на брата. Она видела в его глазах ту же решимость, что чувствовала сама. Они были одногодками, прошедшими долгий путь от приютских кроватей до состоявшихся жизней, но этот путь был бы неполным без знания правды о той, что дала им жизнь.

- Мы попробуем, - сказала Мари, и в её голосе прозвучала сталь. - Какой бы ни была эта правда.

Пьер кивнул. Ниточка, которую они держали в руках, была тонкой, почти невидимой, но именно она вела на восток. Туда, где их история только начиналась.

Глава 2: Яблоневый сад

Подмосковье встретило октябрь прохладным безветрием. Яблони в саду, уставшие от урожая, покорно сбрасывали последние листья, устилая землю пестрым ковром. Возле забора прислонилась к стволу старая деревянная лестница - свидетель многих лет, проведенных здесь, в тишине и забвении.

Светлана Волокушина, которую соседи знали просто как тётю Свету, не спеша складывала в корзину поздние яблоки. Возраст брал своё: суставы ныли на перемену погоды, а сердце порой давало сбои, но она старалась не показывать этого, сохраняя привычную собранность движений.

Из открытого окна дома донесся сухой, надрывный кашель. Светлана замерла, прислушиваясь.

- Опять без шапки у окна сидишь, профессор, - негромко, но с твердой ноткой в голосе позвала она.

Из проема показалось лицо, на котором время высекло глубокие морщины, но сохранило тот же пронзительный, академический блеск глаз. Плейшнер усмехнулся.

- Я всю жизнь проходил без шапки, Светлана. И, как видишь, это не стало фатальной ошибкой.

- Ошибкой было не заметить герань на Блюменштрассе, - парировала она, подходя к крыльцу. - А без шапки - это уже просто упрямство.

Плейшнер вышел на веранду, прихрамывая на правую ногу. Он уже давно не был тем безупречным «профессором из Берна», но в осанке всё ещё проступала прежняя стать. Он опустился на деревянную скамью, тяжело вздохнув.

- До таких лет мы дожили исключительно благодаря твоему упрямству, а не моему, - тихо сказал он, глядя, как жена ставит корзину с яблоками на стол.

Они жили вместе настолько долго, что границы их личных историй давно стерлись, переплавившись в одну общую судьбу. Их не свела юношеская страсть. Их свело общее одиночество, выжженное войной, и осознание того, что в этом мире, ставшем для них чужим, единственным родным человеком является тот, кто знает цену их молчанию.

- Сегодня пришло письмо, - нарушил он тишину, глядя на её руки.

- От Наташи. Светлана оживилась, на её лице на миг проступила та же нежность, что была у неё сорок лет назад. - Что пишет? Опять внуки собираются приехать?

Плейшнер кивнул, доставая из внутреннего кармана конверт. Наталья, их дочь, была для них чистым листом. Она не знала войны, не видела ночных допросов и не умела лгать. Она стала врачом, спасала жизни - и в этом они видели свою главную победу над хаосом, который когда-то пытался их уничтожить.

Вечером, когда над садом сгустились сумерки, они сидели на веранде. На столе едва слышно побулькивал самовар, а в саду стрекотали кузнечики. Эти минуты спокойствия были для них дороже любых орденов.

Плейшнер смотрел на темнеющее небо, и в его памяти, как кадры киноплёнки, всплывали картинки: мостовая в Берне, холодный свет прожектора в администраторской Большого театра, серый снег Воркуты.

- Опять вспоминаешь? - тихо спросила Светлана.

- Блюменштрассе, - коротко ответил он. - Иногда мне кажется, что я до сих пор стою у той двери и не решаюсь войти.

Она осторожно накрыла его руку своей ладонью. Светлана понимала его как никто другой, но у неё в сердце была своя «дверь». Та самая, что вела в монастырь во Франции, к двоим детям, чьи имена - Владимир и Мари - она шептала каждую ночь, прежде чем закрыть глаза, боясь, что в шуме прожитых лет они станут звучать тише. Она никогда не забывала их, наоборот - она берегла эти звуки как единственное сокровище, которое у неё осталось от той, прошлой жизни.

Она редко говорила о них. Очень редко. Слишком больно. Но забыть? Забыть - означало бы предать саму суть своей материнской любви. И каждый раз, когда она представляла их взрослыми, в её воображении оживали не абстрактные силуэты, а те самые мальчик и девочка, которых она в последний раз видела маленькими.

Иногда ей снились дети. Во сне они всегда были маленькими. Она брала их на руки, укачивала, пыталась что-то сказать, оправдаться, объяснить... А потом просыпалась, чувствуя холод пустого пространства рядом, и понимала, что в реальности этим детям уже давно за сорок. Это была самая тяжёлая цена войны: не страх, не погони, не допросы, а годы, которые невозможно вернуть.

Поздно ночью, когда в доме всё стихло, они поднялись на чердак. Там, в тайнике старого комода, лежала фотография: молодая женщина с выразительными глазами держала на руках двух младенцев. Светлана бережно коснулась пальцами пожелтевшего листка - документа, который она хранила здесь долгие годы как единственную связь с той, настоящей жизнью.

Светлана Волокушина - имя, которое она носила так долго, что оно стало привычным, почти родным. Но в тишине этого чердака, глядя на снимок, она неизменно возвращалась к себе прежней, к той девушке, которую когда-то звали Катей. Она никогда не пыталась изменить свою жизнь официально: в их мире, после всего пережитого, перемены были опасны и бессмысленны. Она просто приняла эту двойственность, храня свое настоящее имя в сердце, как самое дорогое воспоминание.

- Какими они стали? - прошептала она, глядя на детей на снимке.

- Наверное, хорошими людьми, - ответил Плейшнер. - Иначе быть не могло.

Она не знала, что Владимир и Мари уже начали свои поиски. Не знала, что тонкая нить, связывающая их через десятилетия, натянулась до предела.

Плейшнер посмотрел в темноту комнаты и, словно предчувствуя, сказал:

- Если когда-нибудь они найдут тебя... расскажи им всю правду. Даже если они не простят. Правда существует не для прощения, Светлана. Она существует для того, чтобы люди перестали жить в неизвестности.

В ту ночь Светлана впервые за много лет позволила себе поверить в невозможное. Что где-то там, под другим небом, двое взрослых людей ищут её. И что, возможно, их история ещё не дописана до конца.

Глава 3: Эхо и предчувствие

Во Франции, в душном архиве Красного Креста, Владимир и Мари столкнулись с первой стеной. Старый клерк, чей стол был завален папками, не поднимая глаз, отрезал:

- Запросы по делам сороковых годов рассматриваются месяцами. У нас нет ресурсов на частных лиц.

Владимир положил на стол лист бумаги, на котором было лишь одно слово: «Екатерина».

- Она не была просто беженкой, - тихо произнес он, и в его голосе прозвучало то самое упрямство, которое когда-то помогало его матери выживать. - Ищите записи по детям, оставленным в монастыре в тот год. Имена - Владимир и Мари.

Мари стояла рядом, сжимая в руках сумочку. Она чувствовала, как по спине пробежал холодок: каждый шаг здесь казался вторжением в чужую, охраняемую жизнь.

- Нам не нужны деньги, - добавила она, глядя прямо в глаза клерку. - Нам нужна правда о том, почему она нас оставила.

Клерк наконец поднял голову. В его взгляде промелькнуло нечто, похожее на сочувствие, смешанное с усталостью. Он молча развернул журнал регистрации.

- В сорок шестом году было много таких женщин... Но русские - это всегда особый след. Давайте посмотрим.

В то же самое время за тысячи километров, в подмосковном саду, Светлана закончила обрезать сухие ветки яблонь. Она опустила секатор, чувствуя внезапную слабость в руках. Воздух вокруг словно наэлектризовался, предвещая скорую грозу, хотя небо было абсолютно чистым.

Она посмотрела на дом. Плейшнер сидел у окна, читая газету, но она видела, как он перестал листать страницы. Он тоже почувствовал это - необъяснимую перемену в атмосфере.

- Светлана, - позвал он, когда она вошла в комнату. - Ты сегодня какая-то... беспокойная. Что-то случилось?

Она не ответила сразу, вглядываясь в свое отражение в оконном стекле.

- Мне кажется, что кто-то позвал меня по имени, - сказала она почти шепотом. - По тому самому, которое я почти забыла. Катя. Плейшнер медленно опустил газету. В его глазах отразилась глубокая, застарелая боль. - Это не зов, Светлана. Это эхо. Прошрое не умирает, оно просто ждет своего часа, чтобы вернуться. Ты готова к тому, что они могут приехать? Светлана коснулась рукой своего сердца, словно пытаясь успокоить его бешеный ритм. - Всю жизнь я боялась, что они придут за мной как враги. А теперь я боюсь, что они придут как дети, которым я ничего не смогу дать, кроме своих оправданий. Вечером, когда стемнело, она снова поднялась на чердак. Ей казалось, что фотография в комодке начала светиться в полумраке, притягивая её взгляд. Она чувствовала, как где-то там, за западной границей, тонкие нити судьбы, которые она так старательно обрывала всю свою жизнь, начали стягиваться в прочный узел. Она знала: если они ищут - они найдут. А если найдут - уже не будет ни Светланы, ни тети Светы. Будет только Катя, которой придется рассказать всё. От первого дня в разведшколе до того холодного монастырского утра.

Светлана закрыла глаза и впервые за сорок лет искренне помолилась - не о безопасности, а о том, чтобы у её детей хватило сил понять то, что она сама так и не смогла себе простить.

Глава 4: Нить, ставшая дорогой

В архиве Красного Креста в Женеве стояла давящая тишина. Клерк, потративший немало времени на сверку списков, вдруг остановился. Его палец замер на строке, где значились дети, переправленные из Швейцарии во Францию в конце сорок пятого года.

- Мы не нашли писем от неё, - сказал клерк, захлопывая тяжелую папку. Но мы нашли запись о том, что в 1945 году детей сопровождала женщина, зарегистрированная документами Красного Креста как фрау Элизабет Мейер. Она передала вас в монастырь и исчезла. Но посмотрите сюда. После этого её след появляется в документах советской миссии в Берне. Судя по всему, перед репатриацией она раскрыла свою настоящую личность.

Владимир переглянулся с Мари.

- Она не оставила нам адреса, потому что не могла этого сделать, - тихо произнес он.
- Она использовала чужие документы, чтобы вывезти нас из ада, но оставила след своей принадлежности к той миссии. Мы искали не письмо, мы искали путь.

Мари взглянула на данные, которые они собрали за последние месяцы.

- Она не хотела быть найденной, но она не смогла стереть свой путь из официальных отчетов репатриации. Мы проследили тех, кто уезжал с той же группой. Была только одна женщина, подходящая под описание, которая пересекла границу и растворилась в послевоенной Москве. След привел нас сюда, в Подмоскowie.

В то же время в подмосковном доме Светлана стояла у окна, глядя на пустую улицу. Последние дни она не могла найти себе места. Привычный ритм её жизни - сад, дом, хозяйственные хлопоты - вдруг стал неестественно хрупким. Она чувствовала себя так, будто кто-то долго и методично сжимал кольцо вокруг её дома.

Плейшнер наблюдал за ней из кресла, приподняв бровь.

- Ты не отходишь от окна второй час, - заметил он. - Что-то случилось?

Она обернулась. В её глазах, обычно спокойных и немного усталых, сейчас читалось напряжение, с которым когда-то, сорок лет назад, она вслушивалась в шум берлинских улиц.

- Я не знаю, - ответила она глухо. - Но мне кажется, что кто-то подошел вплотную. Это чувство... оно возвращается, как приступ старой боли. Будто то, что я похоронила, сейчас стучится в дверь.

Плейшнер медленно встал. Он подошел к секретеру, нажал на скрытую пружину, и одна из боковых панелей едва слышно подалась вперед. Внутри лежала тонкая папка - последнее, что осталось от их общей, опасной жизни.

- Если ты права, - тихо произнес он, - то лучше, если это будем мы, а не кто-то другой. Ты должна знать правду. Если они придут, ты не будешь оправдываться. Ты просто расскажешь им, как всё было на самом деле.

Светлана кивнула. В её глазах, несмотря на страх, загорелся тот самый огонь, который когда-то позволил ей выжить в Берлине.

Глава 5: Письмо из Франции

Осень в тот год выдалась на редкость спокойной.

Сентябрь уже подходил к концу, но сад возле дома всё ещё оставался зелёным. Яблоки налились тяжестью и то и дело падали в траву с глухим стуком. По утрам над участком поднимался туман, а вечерами воздух становился прохладным и пах дымом от соседских печек.

Плейшнер стоял возле сарая и безуспешно пытался починить старый фонарь.

Светлана наблюдала за ним из окна кухни.

Несколько минут она молча следила за тем, как он возится с проводами, потом не выдержала:

- Плейшнер, если ты опять свалишься со стремянки, я тебя поднимать не буду.

Он поднял голову.

- Почему все считают, что я обязательно должен упасть?

- Потому что ты уже два раза падал.

- Один раз.

- Два.

- Второй случай не считается. Там была диверсия со стороны табуретки.

Светлана рассмеялась.

Плейшнер недовольно покачал головой и снова принялся за фонарь.

Через некоторое время он всё-таки появился на веранде и устало опустил в кресло.

На столе уже стоял чайник. Светлана разливала чай по чашкам. Некоторое время они сидели молча.

Такая тишина давно стала для них привычной. Им уже не нужно было постоянно разговаривать. Иногда достаточно было просто находиться рядом. Плейшнер смотрел на сад. Светлана листала старую газету. Где-то за забором лаяла собака.

Потом послышался скрип велосипедных колёс.

- Почтальон, - сказала Светлана.

Плейшнер лишь кивнул.

Почта в их возрасте редко приносила что-то интересное. Обычно счета. Реклама. Иногда поздравительные открытки.

Светлана поднялась и пошла к калитке. Через минуту она вернулась. В руках были газета, квитанция и белый конверт. Уже собираясь положить всё на стол, она вдруг остановилась.

Плейшнер сразу заметил перемену.

Слишком хорошо он знал её за эти годы.

- Что случилось?

Светлана не ответила. Она продолжала смотреть на конверт.

Потом медленно перевернула его.

Плейшнер отставил чашку.

- Светлана?

Она подняла взгляд.

- Франция.

Это слово прозвучало так тихо, что он едва расслышал.

Но больше объяснений не требовалось.

Он встал и подошёл ближе.

На конверте действительно были французские марки. Настоящие.

Не туристическая открытка. Не рекламный буклет. Настоящее письмо. Из Франции.

Некоторое время они оба молчали. Каждый думал о своём.

Для Плейшнера Франция была лишь одной из многих страниц прошлого. Для Светланы - совсем другой жизнью. Той самой жизнью, которую она когда-то оставила за собой.

Вместе с двумя детьми.

- Открывай, - негромко сказал он.

Она нервно улыбнулась.

Светлана провела пальцем по конверту.

- После всего, что было... страшно открыть обычное письмо.

Плейшнер посмотрел на неё внимательно.

- Иногда письмо опаснее пули.

Она кивнула. И осторожно вскрыла конверт. Из него выпал сложенный лист бумаги. Светлана развернула письмо. Начала читать. Плейшнер видел, как меняется её лицо. Сначала удивление. Потом растерянность. Потом какое-то напряжённое недоверие. Она дочитала страницу до конца. Вернулась к началу. Снова перечитала несколько строк.

Наконец медленно протянула письмо Плейшнеру.

- Прочитай.

Он надел очки.

Письмо было написано по-французски. Почерк уверенный, взрослый. Человек явно долго подбирал слова. Плейшнер читал внимательно. Иногда возвращался к предыдущим строчкам.

Потом снял очки и некоторое время молчал.

Светлана смотрела на него не отрываясь.

- Ну?

Он положил письмо на стол.

- Похоже, тебя нашли.

Она замерла. Будто боялась даже произнести вслух то, о чём подумала.

- Кто?

Плейшнер посмотрел ей прямо в глаза.

- Дети.

Светлана медленно опустилась на стул.

За последние сорок лет она тысячи раз представляла этот момент.

Иногда ночью.

Иногда в праздники.

Иногда просто глядя на чужих детей.

Но когда он наконец наступил, оказалось, что она совершенно не готова.

Плейшнер снова взял письмо.

- Пишет Пьер.

Он рассказывает, что они с сестрой выросли в монастырском приюте неподалёку от Парижа. Говорит, что после смерти одной из монахинь нашли старые бумаги. Среди них была фотография молодой женщины с двумя детьми на руках.

Светлана закрыла глаза.

Фотографию она помнила. Очень хорошо. Она сделала её незадолго до отъезда.

Тогда ей казалось, что через несколько месяцев она обязательно вернётся.

Потом месяцы превратились в годы. А годы - в целую жизнь.

- Что ещё он пишет? - тихо спросила она.

Плейшнер снова посмотрел в письмо.

- Что они долго не решались искать дальше. Потом нашли записку. Всего одну фразу.

Он сделал паузу.

- Какую?

- «Если будете искать вашу мать - начните с её языка. Она была русская».

Светлана долго смотрела в стол. Потом неожиданно улыбнулась. Грустно. Почти незаметно.

- Это сестра Анна.

- Ты уверена?

- Да.

Она помолчала.

Перед глазами вдруг возник монастырский двор. Старые каменные стены. Запах выпечки из кухни. Колокольный звон. И пожилая монахиня, которая стояла рядом с ней у ворот.

Тогда Светлана ещё не знала, что прощается с детьми почти на полвека.

- Хорошая была женщина, - тихо сказала она.

Плейшнер не ответил.

Он понимал, что сейчас Светлана находится далеко отсюда. Не в Подмосковье. Не рядом с ним. А во Франции сорокалетней давности. В том дне, который она никогда не смогла забыть.

Когда начало темнеть, они вышли в сад. Медленно шли между яблонями.

Под ногами шуршала трава. Где-то вдалеке лаяла собака.

Светлана остановилась возле старого дерева и посмотрела на небо.

- Я всё время думала о них.

Плейшнер стоял рядом и молчал.

- Каждый год, - продолжила она. - На Рождество. На дни рождения. Просто научилась никому об этом не говорить.

Он кивнул. Потому что понимал. У каждого человека есть своё прошлое. Своё место, куда память возвращается снова и снова. Для него таким местом был Берн. Для неё - маленький французский монастырь.

- А если они меня не простят? - вдруг спросила она.

Плейшнер поднял с земли упавшее яблоко и машинально вытер его рукавом.

- Люди не ищут сорок лет того, кого ненавидят.

Светлана ничего не ответила.

Только почувствовала, как к глазам подступают слёзы.

- Ты думаешь, нужно отвечать?

Плейшнер даже удивился.

- А ты сама как думаешь?

Она посмотрела на него.

И впервые за весь вечер в её взгляде появилась решимость. Та самая, которую он когда-то видел у радистки Кэт.

- Нужно.

- Вот видишь.

- Сегодня же.

Плейшнер улыбнулся.

- Тогда пойдём домой.

Они медленно направились к веранде.

На столе всё ещё лежало письмо из Франции. Обычный лист бумаги. Несколько десятков строк. Но именно он сейчас соединял две жизни, разделённые войной, границами и сорока годами молчания.

И ни Пьер, ни Мари ещё не знали, что ответ уже начал свой путь обратно. И где-то далеко во Франции двое взрослых людей ещё не знали, что письмо дошло. Не знали, что женщина, которую они искали почти всю жизнь, сейчас стоит под старой яблоней в подмосковном саду.

И впервые за сорок с лишним лет между ними появилась настоящая дорога.

Глава 6: Ответ

На следующий день дождь шёл с самого утра.

Мелкий, осенний, он тихо шелестел по крыше веранды и стекал по ветвям яблонь. Сад выглядел пустым и задумчивым.

Плейшнер проснулся рано. Как обычно. Возраст давно отучил его спать до позднего утра.

Он вышел на кухню и сразу заметил свет. Светлана сидела за столом. Перед ней лежало письмо из Франции. Точнее, уже не лежало. Оно было раскрыто, разглажено и перечитано, наверное, раз двадцать за ночь. Рядом стояла почти нетронутая чашка чая.

- Не спала? - спросил Плейшнер.

Светлана подняла глаза.

- Немного.

- Это называется «совсем не спала».

Она попыталась улыбнуться. Не получилось.

Плейшнер поставил чайник на плиту и сел напротив. Несколько минут они молчали. За окном шумел дождь.

Наконец Светлана провела ладонью по письму и тихо сказала:

- Странное чувство.

- Какое?

- Будто открылась дверь, которую я давно считала замурованной.

Плейшнер задумчиво кивнул.

- Хорошее сравнение.

- Только я не знаю, что за этой дверью.

- Никто не знает.

Она посмотрела на него.

- А если это ошибка?

- Какая ошибка?

- Вдруг они ошиблись человеком.

Плейшнер усмехнулся.

- Светлана, сколько ещё русских женщин после войны оставили во французском монастыре мальчика по имени Владимир и девочку?

Она невольно улыбнулась.

- Когда ты так говоришь, звучит убедительно.

- Потому что это и есть правда.

Дождь за окном усилился.

На несколько секунд снова наступила тишина. Потом Светлана произнесла то, о чём думала всю ночь:

- Если они действительно мои дети... почему искали так долго?

Плейшнер посмотрел в окно.

- По той же причине, по которой ты сама ничего не искала.

Она удивлённо подняла голову.

- Это не одно и то же.

- Разве?

Он повернулся к ней.

- Ты боялась узнать правду. Они тоже.

Светлана ничего не ответила.

Потому что понимала: в его словах есть смысл. Иногда человек не ищет не потому, что не хочет найти. А потому, что боится того, что найдёт.

После завтрака Плейшнер снова перечитал письмо. Несколько раз. Медленно.

Как всегда, когда хотел разобраться в деталях. Потом снял очки и задумался.

- Здесь есть адрес.

- Я видела.

- И есть просьба ответить.

- Я тоже видела.

- Тогда в чём проблема?

Светлана нервно усмехнулась.

- В том, что я не знаю, как начать.

Плейшнер откинулся на спинку стула.

- Очень просто.

- Правда?

- Да.

- Ну и как?

Он пожал плечами.

- «Дорогие дети».

Она посмотрела на него так, будто он предложил невозможное.

- Я не могу.

- Почему?

- Потому что никогда не говорила им этих слов.

Плейшнер молчал. Иногда возражать было бессмысленно.

Светлана подошла к окну. За стеклом качались мокрые ветви яблонь. Она вдруг вспомнила монастырский двор. Маленького Владимира. Девочку, которую тогда все называли Мари. Сестру Анну. Каменную дорожку к воротам. И себя саму. Молодую.

Уставшую. Испуганную. Уверенную, что расстанется ненадолго. Жизнь иногда умела жестоко шутить.

- Плейшнер...

- Да?

- А если они спросят, почему я не вернулась?

Он долго думал. Очень долго. Потом ответил:

- Тогда расскажешь правду.

- Всю?

- Нет.

Она удивлённо посмотрела на него.

- Почему?

Плейшнер вздохнул.

- Потому что для всей правды потребуется отдельная книга.

На этот раз Светлана всё-таки рассмеялась. Впервые с момента получения письма. Смех быстро стих. Но напряжение стало чуть меньше.

К вечеру на столе появился чистый лист бумаги. Светлана несколько раз бралась за ручку. Откладывала её. Снова бралась. Потом наконец написала первую строку.

Несколько секунд смотрела на неё. Будто не веря собственным глазам.

Плейшнер сидел рядом с книгой, но давно уже не читал. Он наблюдал. Молча. Светлана медленно вывела ещё несколько слов. Потом ещё. И вдруг остановилась.

- Что?

- Ничего.

Она провела рукой по глазам.

- Просто странно.

- Что именно?

Светлана посмотрела на лист бумаги.

- Я впервые в жизни пишу письмо своим детям.

Плейшнер ничего не ответил. Иногда слова были не нужны.

За окном уже темнело. В доме горела лампа. На столе лежало французское письмо.

Рядом появлялось новое. Русское.

И где-то далеко, за тысячи километров отсюда, двое взрослых людей ещё не знали, что женщина, которую они искали почти всю жизнь, наконец начала писать ответ. Светлана долго сидела над чистым листом.

За окном шумел дождь. На кухне было тепло, но её пальцы всё равно слегка дрожали.

Она взяла ручку. Несколько секунд смотрела на бумагу. Потом медленно вывела первую строчку:

«Дорогие Владимир и Мари...»

Чернила ещё не успели высохнуть.

Светлана замерла.

Она смотрела на написанные слова так, словно не верила, что они существуют.

Плейшнер, сидевший напротив с книгой, заметил, что она перестала писать.

Он отложил очки и внимательно посмотрел на неё.

- Что случилось?

Светлана покачала головой. Ответить сразу не получилось. Она провела рукой по глазам и вдруг тихо рассмеялась сквозь слёзы.

- Ничего.

Плейшнер поднялся и подошёл ближе. Его взгляд упал на первую строчку письма. Он ничего не сказал. Только положил руку ей на плечо.

Светлана снова посмотрела на бумагу. На два имени, написанные её собственной рукой. Владимир. Мари. Сорок с лишним лет назад она произносила их каждый день.

Потом наступила долгая жизнь, в которой эти имена оставались только в памяти.

И вот теперь они снова были рядом. Не во сне. Не в воспоминаниях. На обычном листе бумаги.

Она коснулась кончиками пальцев написанных слов и почти шёпотом произнесла:

- Здравствуй, сын...

Потом перевела взгляд ниже.

- Здравствуй, дочка...

За окном продолжал идти дождь.

А Светлана сидела над письмом и впервые за многие годы чувствовала не боль утраты, а надежду.

Глава 7: Дорога через расстояние Письмо ушло через два дня. Светлана несколько раз переписывала его, вычеркивала целые абзацы, снова начинала сначала, пока наконец не решила, что лучше написать меньше, чем сказать лишнее. Когда конверт исчез в почтовом ящике, ей стало неожиданно тревожно. Теперь всё зависело уже не от неё. Ответ мог прийти через неделю. Через месяц. Или не прийти вовсе. Плейшнер относился к ожиданию спокойно. По крайней мере внешне. Он по-прежнему возился в саду, читал книги, спорил с соседями о погоде и каждый вечер садился на веранде с газетой. Но Светлана слишком хорошо его знала. Иногда она замечала, как он подолгу смотрит на калитку, когда по улице проезжает почтальон. - Ты ждёшь не меньше моего, - сказала она однажды. Плейшнер опустил газету. - Разумеется. - Почему? Он пожал плечами. - Потому что за столько лет ты впервые стала похожа на себя прежнюю. - Это ещё на какую? - На ту, которая никогда не сдавалась.

Светлана улыбнулась.

- Compliment от Плейшнера - редкое явление.

- Запиши в календарь.

Они оба рассмеялись.

С каждым днём тревога становилась всё сильнее.

Прошла неделя. Потом вторая. Начался октябрь. Деревья в саду пожелтели. Утренние туманы стали гуще.

Однажды вечером Светлана призналась:

- Мне кажется, я схожу с ума.

Плейшнер оторвался от книги.

- Почему?

- Потому что каждый день думаю об одном и том же.

Она подошла к окну. За стеклом медленно падали листья.

- Какие они сейчас?

- Кто?

- Владимир и Мари.

Плейшнер задумался.

- Такие же старые, как мы.

- Очень смешно.

- Но правда же.

Светлана покачала головой.

- Я серьёзно.

Плейшнер закрыл книгу.

- А что ты хочешь услышать?

Она долго молчала. Потом тихо сказала:

- Не знаю. Может быть, чем они живут. Какие у них семьи. Есть ли дети.

Счастливы ли они.

Он внимательно посмотрел на неё.

- Ты боишься, что они прожили плохую жизнь?

Светлана кивнула.

- Немного.

Плейшнер поднялся и подошёл к окну.

- Если бы прожили плохую жизнь, они бы искали виноватых.

- И что?

- А они ищут мать.

Она ничего не ответила. Но почему-то от этих слов стало легче.

Через несколько дней ответ наконец пришёл. Это случилось утром.

Совершенно обычным утром.

Плейшнер подметал дорожку возле дома. Светлана перебирала яблоки в сарае.

Почтальон появился неожиданно.

- Вам письмо.

Светлана увидела знакомые марки раньше, чем успела взять конверт в руки.

На этот раз она уже не боялась открывать его. Наоборот. Боялась не открыть. Они читали письмо вместе.

Пьер писал подробно. Рассказывал о своей работе. О жене. О взрослом сыне. О доме под Парижем.

Мари передавала привет и добавила несколько страниц от себя. Письмо получилось длинным. Очень длинным.

Но больше всего Светлану тронула одна строчка:

«Мы не ищем объяснений. Мы просто хотим познакомиться с вами.»

Она перечитала её несколько раз. Потом ещё раз. И ещё.

Плейшнер заметил это.

- Что там?

Она протянула письмо.

Он прочитал строчку и молча кивнул.

- Умные люди.

- Почему?

- Потому что начинают с главного.

В тот вечер они долго сидели на веранде. Письмо лежало между ними на столе.

Сад уже почти облетел. Небо было чистым и холодным. Светлана смотрела на звёзды. Потом вдруг сказала:

- Они хотят приехать.

Плейшнер повернулся к ней.

- Так и должно было случиться.

- А если я их не узнаю?

Он улыбнулся.

- Светлана, они были грудными детьми. Было бы странно, если бы узнала.

Она рассмеялась. Впервые за весь вечер.

- Нет, я серьёзно.

- И я серьёзно.

Плейшнер немного помолчал. Потом добавил:

- Зато они узнают тебя.

- Откуда такая уверенность?

Он посмотрел на неё поверх очков.

- Потому что некоторые люди меняются меньше, чем им кажется.

Над садом тихо шелестел ветер. Где-то вдалеке проходила электричка.

А в маленьком подмосковном доме двое пожилых людей понимали, что впереди их ждёт встреча, которой они оба когда-то считали невозможной.

И чем ближе становился этот день, тем сильнее прошлое переставало быть прошлым.

Глава 8: Накануне встречи

Первый снег выпал ночью.

Утром Светлана открыла дверь веранды и замерла на пороге.

Сад словно преобразился за несколько часов. Ещё вчера здесь темнела мокрая осенняя земля, а теперь дорожки, яблони и кусты смородины были укрыты тонким белым покрывалом.

Воздух был неподвижен и чист. Светлана стояла молча, вдыхая холодный запах первого снега.

Где-то позади скрипнул стул.

- Любуешься? - спросил Плейшнер.

- Любуюсь.

- Странные вы люди.

Она обернулась.

- Кто это «вы»?

- Те, кто радуется зиме.

- А ты не радуешься?

- Я немец. Мне положено ворчать на погоду.

Светлана рассмеялась. За долгие годы она привыкла к его шуткам.

Плейшнер сидел за столом с газетой и делал вид, что читает. На самом деле взгляд его уже несколько минут был прикован к одному и тому же абзацу.

Она слишком хорошо знала этот взгляд. Он тоже ждал. Хотя никогда бы в этом не признался.

На столе лежало письмо из Франции. Последнее письмо. То самое, в котором Владимир сообщал, что они с Мари собираются приехать в Советский Союз. Не когда-нибудь потом.

Не через несколько лет. А нынешней зимой.

Светлана взяла конверт в руки. Бумага уже успела немного потереться на сгибах. Она перечитывала письмо почти каждый день. Иногда ей казалось, что между строк скрыто что-то ещё. Что-то очень важное.

Но каждый раз там были те же самые слова. Тёплые. Простые. Настоящие.

- Опять читаешь? - спросил Плейшнер.

- А тебе жалко?

- Нет. Просто скоро будешь цитировать его наизусть.

- Уже цитирую.

Плейшнер усмехнулся и наконец отложил газету.

Несколько секунд они сидели молча.

Потом Светлана тихо сказала:

- Мне страшно.

Он внимательно посмотрел на неё.

- Это я уже слышал.

- Теперь ещё страшнее.

- Почему?

Она задумалась.

- Потому что раньше встреча была где-то далеко. А теперь она действительно будет. Плейшнер кивнул. Он понимал её лучше, чем кто-либо другой. Иногда ожидание оказывается тяжелее самого события. В тот день Светлана впервые достала старую коробку, которая много лет хранилась на верхней полке шкафа. Плейшнер заметил её сразу. - Неужели открыла? - Да. - Давно пора. Она поставила коробку на стол и подняла крышку. Внутри лежали старые фотографии, несколько пожелтевших документов и вещи, которые постороннему человеку показались бы совершенно незначительными. Но для неё каждая из них была частью памяти. Светлана осторожно перебирала содержимое. Иногда задерживалась на каком-нибудь снимке. Иногда просто смотрела в одну точку. Плейшнер не мешал. Он понимал, что сейчас идёт разговор с прошлым. Не словами. Памятью.

Наконец она достала небольшую фотографию.

На снимке была молодая женщина. Совсем ещё молодая.

Светлана долго смотрела на неё.

Потом тихо улыбнулась.

- Неужели это была я?

Плейшнер подошёл ближе. Посмотрел через плечо.

- Да.

- Какая же глупая.

- Молодая.

- Одно другому не мешает.

Он рассмеялся.

Светлана положила фотографию обратно.

Некоторое время они молчали.

Потом она неожиданно спросила:

- Как думаешь, Владимир меня узнает?

Плейшнер снял очки.

- Светлана, он никогда тебя не видел взрослой.

- Я серьёзно.

- И я серьёзно.

Он немного подумал.

- Узнает.

- Откуда такая уверенность?

Плейшнер пожал плечами.

- Потому что всю жизнь искал именно тебя.

Светлана опустила взгляд. В её глазах появилось волнение.

- А если он ждёт кого-то другого?

- Кого?

- Не знаю. Может быть, молодую женщину с фотографии. Может быть, какую-то героиню из собственных воспоминаний.

Плейшнер покачал головой.

- Светлана, ему почти пятьдесят лет. Он ищет не фотографию.

Он ищет мать.

Эти слова долго висели в тишине.

Потом Светлана кивнула. Ей вдруг стало легче.

Вечером они сидели на веранде.

За окном уже стемнело. Снег тихо поблёскивал в свете фонаря.

На столе лежали фотографии. Письма. Старые воспоминания. И будущее. Совсем близкое.

- А Мари? - неожиданно спросила Светлана.

- Что Мари?

- Как думаешь, о чём она сейчас думает?

Плейшнер улыбнулся.

- Судя по её письмам, обо всём сразу.

Светлана тоже улыбнулась. Она взяла одну из фотографий, присланных из Франции. На снимке Мари держала за руку маленькую внучку.

Светлана долго смотрела на фотографию. Потом осторожно провела пальцем по краю снимка.

- Странно.

- Что именно?

- Иногда я забываю, что она мне не родная.

Плейшнер посмотрел на неё и ничего не сказал. Да и что тут было говорить?

Война когда-то свела вместе двух детей. Жизнь сделала их братом и сестрой. А время оказалось сильнее крови.

Светлана аккуратно положила фотографию обратно. Потом посмотрела в окно. Где-то далеко, за тысячами километров, Владимир и Мари тоже готовились к поездке. Покупали билеты.

Собирали документы. Волновались. Наверное, не меньше её самой.

До встречи оставалось совсем немного.

И впервые за долгие годы Светлана поймала себя на мысли, что ждёт не прошлого. Она ждёт будущего.

Глава 9: Дорога

Во Франции стояло холодное ноябрьское утро. Небо затянули тяжёлые серые облака, и мелкий дождь барабанил по крышам домов. Ветер гонял по улицам мокрые листья, застревавшие у бордюров и старых каменных стен.

Владимир стоял посреди комнаты возле раскрытого чемодана. Вещей было немного.

Несколько рубашек. Теплый свитер. Фотоаппарат. Подарки для Светланы и Плейшнера. И пачка писем, аккуратно перевязанных тонкой лентой.

Он взял верхний конверт. Почерк уже стал знакомым. За последние месяцы он изучил его почти так же хорошо, как собственный.

«Дорогой Владимир...». Он невольно улыбнулся. До сих пор эти слова казались чем-то невероятным. Сколько лет он прожил без матери? Почти всю жизнь.

А теперь её письма лежали у него в руках.

- Ты опять их перечитываешь?

Владимир поднял голову.

В дверях стояла жена.

- Только одно.

- Вчера ты говорил то же самое.

Он виновато улыбнулся.

- Наверное.

Она подошла ближе и поправила воротник его рубашки.

- Всё ещё не веришь?

- Во что?

- Что через несколько часов окажешься в России.

Владимир задумался. Потом медленно покачал головой.

- В Россию я верю.

- А во что не веришь?

Он посмотрел на письмо.

- В то, что она действительно существует.

Жена ничего не ответила. Она понимала его слишком хорошо. Слишком долго ждала вместе с ним этот день.

Мари приехала ближе к полудню. Как всегда без предупреждения.

Владимир открыл дверь и сразу заметил её волнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.